

ОТЗЫВ

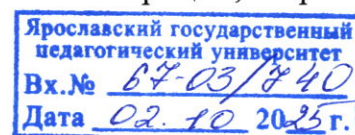
официального оппонента на диссертационную работу
Землянской Ксении Александровны
«Художественная этнография Венедикта Марта»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Диссертационное исследование Ксении Александровны Землянской посвящено изучению **актуальной** и значимой **проблематики**: истории литературы Дальнего Востока первой половины XX века, которую чрезвычайно активно реконструируют в последние десятилетия ученые Дальнего Востока, Сибири, столичные исследователи, однако и по сей день в этой истории остаётся очень много белых пятен и незаполненных страниц.

Материал, избранный диссертанткой, – творческое наследие поэта и прозаика Венедикта Марта, уже привлекал внимание отдельных исследователей, но большой монографической работы по этой теме нет, не изучена и биография поэта, не собран корпус его произведений. Между тем предшественники Ксении Александровны сходятся в одном: и биография, и художественный мир Венедикта Марта представляют неоспоримую ценность для культурной истории России, корпус текстов Марта должен быть собран как можно в более полном объеме, прокомментирован, переиздан, монографически изучен. Как раз к этому в конечном итоге подводит диссертационное исследование Ксении Александровны, что делает его **актуальным** и в ряду историко-литературных исследований русской литературы в целом, и в ряду исследований региональных литератур.

Будучи сыном Н.П. Матвеева (Николая Матвеева-Амурского), журналиста, писателя, поэта, издателя, переводчика-япониста и краеведа, В.Н. Матвеев (Венедикт Март) принадлежит семье, сыгравшей видную роль в культурной жизни Приморья, но в силу многих обстоятельств, в частности, того, что Март активно печатался в те годы, когда власть, а соответственно и печать на Дальнем Востоке переходила из рук в руки, того, что Венедикт Март провел несколько лет в эмиграции в Харбине, вернулся на родину, и, побывав в ссылке, полтора десятилетия спустя после возвращения из Харбина, погиб в годы большого террора (в 1937), имя поэта едва не было забыто, а многие произведения безвозвратно утрачены. Диссертация Ксении Александровны – это едва ли не первый опыт подробного обзора всех периодов творчества Марта, проведенный в аспекте художественной этнографии.

Очевидно, что отбор, поиск материала для исследования был сопряжен с большими трудностями. В 2020 г. был издан двухтомник Венедикта Марта (это очень небольшие по объему книги), в том же году были переизданы поэтические сборники Марта с расшифровкой его уголовного дела в приложении. Но большая часть наследия Марта еще не переиздана, а многое не найдено. Представленная работа велась в том же направлении, что и работа сотрудников Центра изучения дальневосточной эмиграции, ранее

публиковавших неизвестную прозу Марта, найденную в различных архивах. В диссертации К.А. Землянская представляет ряд собственных архивных находок. В частности, основной массив 3 главы диссертации посвящен найденным в РГАЛИ «Рассказам о Востоке», – книге, подготовленной Мартом для печати, но не изданной.

Надо отметить хорошо поставленную тему исследования. Выбран аспект художественной этнографии, соответственно **теоретико-методологическая база** – это работы о краеведческой литературе, исследования этнографической прозы, этнокультурология, а ключевые для диссертации понятия «художественной этнографии» и «дальневосточного фронта» почерпнуты диссертанткой из трудов А.А. Забияко, а также О.Е. Цмыкал, Ли Иннань, Д.А. Владимировой, В.И. Исаченко, Е.В. Сениной. При описании художественной этнографии Марта диссертант пытается установить характер источников, оказавших влияние на писателя, а это и научная этнография (в библиографии и ссылках огромное количество этнографических исследований), и восточная литература и фольклор, и опыт живого общения писателя с японцами и китайцами.

Архивные находки автора диссертационного исследования, а также решение задач выявления способов воплощения образов инокультур и описания родо-жанрового и стилистического своеобразие художественной этнографии Марта свидетельствует о высоком **научно-методологическом** потенциале исследования. Особое внимание уделяется редким, экзотическим образам, топонимам, онимам, которые у Марта акцентируют этнографику, а до Марта не входили в литературное поле. В диссертации рассматривается поэзия, проза, публицистика, особенно эффектны примеры синтеза, когда, например, очерк ориентальной тематики вбирает в себя опыт художественной прозы и поэзии, и наоборот, когда лирическая ткань обогащается живыми наблюдениями и образами, нетрадиционными для поэзии.

Теперь последовательно представим основные результаты, полученные соискателем **лично** в аспекте их научной **новизны** и **методологической значимости**.

Исследование разделено на главы в соответствии с этапами жизни и периодами творчества В. Марта: первый период владивостокский, второй – харбинский, третий – Российский.

Первая глава «Владивостокский период становления художественной этнографии Венедикта Марта: между модернизмом и этнографизмом» посвящена периоду 1915-1920 гг.; в экспозиции главы дан очерк биографии Марта в самый драматический период истории Владивостока XX века – пред- и постреволюционный. После революции Дальний Восток стал прибежищем творческой интеллигенции и остановкой на пути русской эмиграции; заброшенными во Владивосток в это время оказались Н.Асеев, С.Третьяков, Д.Бурлюк, они собирали вокруг себя молодых поэтов, и эта атмосфера, как и атмосфера семьи Матвеевых, повлияла на формирование и становление художественного мира В. Марта. О семье Матвеевых К.А. Землянская подробно рассказывает в первой главе, обращая внимание на этнографические интересы членов семьи, упоминается даже о таком феномене, как семейный журнал

«Мысль», к которому причастны были, кроме членов семьи, Костя Суханов, Володя Сибирцев, Костя Рослый, Давид Бурлюк. Не обходит вниманием Ксения Александровна топографию родного города Венедикта Марта, реконструируя известные из истории города картины владивостокской Мильонки – района, где обитали китайцы: рабочие, ремесленники, наркоторговцы, хунхузы (китайцы были изгнаны из Сибири и Дальнего Востока в 1930-е годы, и память о китайской Мильонке осталась только в мемуарах и исторических свидетельствах), а в начале века Март вживую наблюдал там некоторые традиции и обычаи восточных народов.

В первой главе подвергнута рассмотрению целая группа текстов с китайскими мотивами, в частности, «китайские» стихотворения сборника «Песенцы» (1917). Опираясь на трактовку заглавия сборника, предложенную А.А. Забияко, песенцы – это «пиджинизированное именование жанра песни», «словообразовательная модель слова *песенцы* на уровне морфемных сближений напоминает стилизованное китайское слово с русским корнем: песен-цы», К.А. Землянская обращает внимание на перевод (词) (сi) с китайского, в одном из значений которого – «художественное слово, слова, сочинение, произведение изящной словесности».

К.А. Землянская показывает, как поэт работает, прививая русскому языку восточное звучание. Ю.Н. Тынянов называл такой прием «семантической окраской», можно стилизовать русский под любой язык: под итальянский, как это делали Батюшков и Пушкин, под немецкий, как, например, у Мандельштама в стихотворении «К немецкой речи», дальневосточные поэты стилизовали русский под китайский и японский, и у Венедикта Марта одни из лучших тому примеров: чего стоит только такой стих: «*“Юлит” веслом китаец желтолицый*» [Март 1917d, с. 8], где *юлит* вместо *грести* – от китайской лодки *юли-юли* или название сборника стихов Марта «Хай-Шин-Вей».

Кроме стихотворений сборника «Песенцы», проза «Тигровых чар» обозревается в этой же главе: анализируются рассказы «Долг покойника», где нашли отражение представления китайцев о загробной жизни души, «Лапа Мин-дзы», рассказ, наполненный мотивами китайского фольклора и мифологии, при анализе проводятся параллели с классической китайской новеллой чуаньци, для которой характерны литературность, осознанность авторского вымысла, ориентированность на разговорную речь, стихотворные вставки, элементы бессюжетной прозы.

Здесь же, в первой главе, рассказывается о поездке Марта в Японию (1918), об этом факте биографии Марта вообще мало что известно, упоминается также о переводах с японского в книге «Песенцы», о знакомстве с японскими литераторами, анализируется «японский» рассказ «Почтовая марка» и стилизованные под моногатари «Лепестки сакуры», проза, перемежающаяся стихами в духе танка и хокку, которую поэт печатает в 1919 году в дальневосточном «Эхе».

Все это очень интересный и редкий материал, который разыскан, изучен и тонко и вдумчиво описан.

Вторая глава «Эмигрантский период: между натурализмом и этнографизмом» посвящена харбинскому периоду творчества Венедикта Марта,

о нем тоже известно не так много, стоит только прочесть сноску 26, где даются ссылки на целый ряд авторов, которые кардинально расходились в определении дат пребывания Марта в Китае, пока не найдено было уголовное дело, где сведения о приезде в Харбин и возвращении в Россию записаны со слов Марта.

Во второй главе названы книги, которые Март выпускает в Харбине, и их для столь короткого периода не мало, 7: поэтические сборники (сб. «Синий благовест. Россия без “Ъ”» (1921); «Истории моей смерти. Три солнца» (1921), «Благословенный город» (1922)), переиздание книги «Песенцы» (1922), сборник переводов китайской поэзии «Луна» (1922), проза прошлых лет «На любовных перекрестках причуды» (1922). Все это найдено, и отмечено в библиографии исследования. В качестве яркого примера художественной этнографии Ксения Александровна избирает прозу «Желтые рабыни», повествующую о злочинах местах, с которыми поэт познакомился в неведомом для большинства русских харбинцев районе Фудзянян. Как и Мильонка во Владивостоке, Фудзянян в Харбине – это район наркотических притонов, морфинолавок, опиомакурилен, где можно вплотную познакомиться с китайским народным бытом, который так интересовал Марта. «Желтые рабыни» – полудокументальное повествование о китайских публичных домах, которое К.А. Землянская сравнивает со сформировавшимся в начале XX века на Северо-Востоке Китая жанром *баогао вэньсюэ*, «именно на этот жанр опирался С. Третьяков, когда писал роман (или «био-интервью», как его определил сам автор) «Дэн Ши-хуа» (1930)», – попутно отмечает исследовательница. Получается, что Март предвосхищает китайскую прозу Третьякова.

Март, как показывает К.А. Землянская, собирает воедино свидетельства о достоверных деталях, фактах, добавляя к ним свои собственные наблюдения и обобщения, делая упор на экзотичности народного китайского быта, расширяя географию очерка путем включения в рассказ о фудзянянских домах любви очерки быта речных районов Китая – Тянь-цзина и Ян-Цзы, поставивших в Харбин жриц любви. Март усложняет нарративную структуру произведения, вводя в него рассказчика-проводника, с которым повествователь, как должен догадываться читатель, разговаривал по-китайски, а потом «перевел» его речь, добавив таким образом в текст чужую, китайскую речь и свидетельства о народной жизни самого народа.

В третьей, последней, главе «Советский период развития художественной этнографии В. Марта: от “литературы факта” к неомифологизму» речь идет о возвращении В. Марта в Россию. В СССР В. Марту, поэту дальневосточных окраин, харбинцу, «салонному писателю-кокаинику», приходится менять ракурс жизни и творчества и пытаться вписаться в рамки соцреализма. Но К.А. Землянская пишет не о соцреализме, а о «литературе факта», направлении, в русле которого работали в 1920-е годы многие художники-авангардисты. Так что наблюдения народного быта, жизни городских трущоб, обращение к фольклору, семейные установки на народолюбие, опыт работы в желтой прессе – все это позволяет Марту найти свое направление. Он делает несколько попыток создать эпическое произведение о войне и революции на Дальнем Востоке, пишет рассказы, не

оставляя этнографики: коренные народы, китайская революция, судьба КВЖД, движение 30 мая 1925 г. в Шанхае, – вот темы его прозы этого периода.

В начале 3 главы К.А. Землянская дает очерк советского периода биографии Марта, где уделено внимание жизни в Москве, Ленинграде, ссылке в Саратов, предопределившей, возможно, трагическую судьбу Марта и его гибель в 1937-м, обозревается последний, киевский, период его творчества, перечисляются как изданные, так и не изданные произведения писателя.

В центре внимания исследовательницы – неизданный, обнаруженный в РГАЛИ, сборник «Рассказы о Востоке», многие тексты этой книги напечатаны в разных изданиях по отдельности, но есть в сборнике и неопубликованные ранее тексты. Диссертантка прекрасно понимает, что даже известные тексты, собранные автором под одной обложкой, становятся новым произведением, тем более если к ним прибавлено новое. К.А. Землянская рассматривает «Рассказы о Востоке» как единый цикл, лейтмотивом которого становится данное Мартом обозначение жанра – «были», и в одном значении это – реальные события, документальность, как и предполагают правила «литературы факта», а в другом, что особенно ценно для художественной этнографии, «быль» – это что-то фольклорное: легенда, сказ. Лубок, рабочий фольклор, нарративная имперсональность фольклора – все это делает фактуру этнографических зарисовок на восточные темы яркой и разнообразной. По мнению Ксении Александровны, книга «Рассказы о Востоке» не была опубликована, поскольку стала свидетельством поражения революционного движения на Востоке, в официальной культуре китайская тема стремительно теряла актуальность, тогда как тема коренных народов Сибири и Дальнего Востока оставалась востребованной.

Тему коренных народов иллюстрирует анализ рассказа «Дэрэ – водяная свадьба», где яркая этнографика уже привлекала исследователей. Новация К.А. Землянской состоит в том, что этот рассказ может быть прочитан как «неосказка» и расписан буквально по В.Я. Проппу. Ксения Александровна интерпретирует его как конструктор, собранный по правилам русской народной сказки в социально-политическом ключе советской идеологии с ориентальным этнографическим наполнением. С такой интерпретацией нельзя не согласиться.

В заключении подводятся выводы исследования, и по ним можно судить о эволюцию художественной этнографии В. Марта.

Большую ценность представляет собой библиография исследования, она насчитывает 426 наименований и та часть библиографии, где перечислены тексты самого В. Марта (68 наименований) и критика о его произведениях. – это тоже большой и серьезный исследовательский труд. Непереизданные тексты Марта труднодоступны или почти недоступны, и то, что многие из них найдены К.А. Землянской, – большая научная удача. Все, кто видел дальневосточные и харбинские издания начала века, знают, что даже опубликованный текст не легко републиковать, – бумага на сгибах осыпалась, шрифт стерт. И найденное приходится буквально воскрешать из праха. Такая работа, – восстановить, собрать наследие забытых авторов, авторов русского Китая и Дальнего Востока, – это научный подвиг, который совершают филологи благовещенской школы, и К.А. Землянская в их числе.

Как знатоку творчества и биографии Венедикта Марта хотелось бы задать К.А. Землянской два вопроса.

1. Вернувшись в Россию, Март не выпустил, насколько мы знаем, ни одной поэтической книги. У Вагинова он выведен, однако, как поэт Сентябрь, правда, поэт, переставший понимать свои стихи. Известно ли что-то о том, продолжал ли Март поэтические опыты после возвращения из Китая? И если нет, то в его прозе можно ли обнаружить какие-то свойства лиризма?

2. Время от времени в «Эхе» Март печатался рядом с В. Рябининым, автором поэтической книги «Японские акварели», талантливым поэтом со схожей в чем-то творческой судьбой: поэзия, увлечение японской культурой. Случайно ли соседство их публикаций, не известно ли что-то о их сотрудничестве, дружбе?

В заключение можно прибавить несколько слов о стиле исследования. Его можно определить как лаконичный, емкий и строгий, в диссертации нет общих слов, буквально ни одной фразы нельзя безболезненно сократить, очень трудно кратко пересказать работу, потому что в ней важна каждая деталь. Сделано точное описание собранного материала и аналитика, поставленные задачи решены, цель достигнута, гипотеза подтверждена.

Текст автореферата соответствует содержанию диссертационного исследования.

Отмеченные **актуальность** темы и **научная продуктивность ее реализации**, как представляется, сообщили работе К.А. Землянской очевидную концептуальную убедительность, обусловили четкость целеполагания и объективную обоснованность выдвинутой в диссертации **гипотезы** о том, что развитие художественной этнографии Венедикта Марта обусловлено социокультурным, этнокультурным и литературным контекстами его творчества, его этническими установками и опытом общения с народами Дальнего Востока, генезисом его художественных ориентиров. «Эти факторы формировали художественные образы восприятия инокультуры, которые воплощались в соответствующих родо-жанровых, сюжетно-тематических и стилистических формах» (с.13).

Тщательно **обоснованными** и **верифицированными** пространственными аналитическими аргументами и опорой на авторитетные историко-литературные и теоретические исследования предстают **основные положения** работы, что свидетельствует о **достоверности и новизне результатов** и о **высоком личном вкладе автора**. О том же свидетельствует достойная **апробация** работы на 23 международных и всероссийских научных конференциях и съездах и публикации (21 публикация в изданиях различного статуса, из них 6 – в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК и список Web of Science и Scopus) К.А. Землянской.

Концептуальные положения и результаты работы имеют **практическую ценность**, поскольку найденные в архивах произведения Венедикта Марта могут и должны быть опубликованы, выводы и аналитические рассуждения исследования могут быть использованы как материал для учебных пособий и лекционных занятий по русской литературе XX века, при проведении практических занятий, литературных факультативов в старших классах средней

школы с гуманитарным уклоном, а также при разработке учебных и методических пособий.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диссертация Ксении Александровны Землянской является самостоятельной законченной научно-квалификационной работой, которая представляет собой исследование актуальной задачи, важной для литературоведения; характеризуется научной новизной, теоретической и практической значимостью, **отвечает требованиям п. 9, п. 10, п. 11, п. 12, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней** (утверждено постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, в действующей редакции с изменениями и дополнениями), а ее автор – **Ксения Александровна Землянская заслуживает** присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Доктор филологических наук по специальности
10.01.01 Русская литература,
ведущий научный сотрудник
сектора литературоведения
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Институт филологии
Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН),
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
тел./факс: (383) 330-15-18,
<http://www.philology.nsc.ru/index.php>
e-mail: ifl@philology.nsc.ru

 Елена Владимировна Капинос

Против включения персональных данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Подпись Е.В. Капинос заверяю.

Начальник отдела кадров
ИФЛ СО РАН

19.09.2025 г.

Э. Б. Зульфигарова